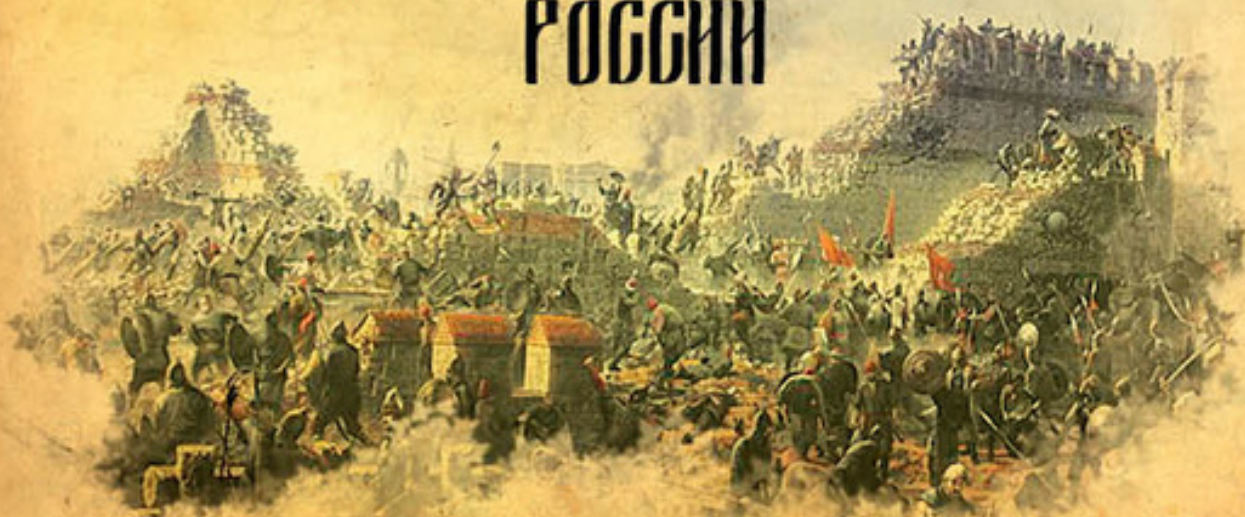

ДМИТРИЙ ДЕМЕНТИЙ
АБРАМОВ КАМЕНТЬЕВ

НОВЫЙ И ТРЕТИЙ РИМ

ВИЗАНТИЙСКИЕ
МОТИВЫ
РОССИИ

Дмитрий Абрамов

**Новый и Третий Рим.
Византийские мотивы России**

«Алисторус»

2015

УДК 94(100)"653"
ББК 63.3(0)4

Абрамов Д. М.

Новый и Третий Рим. Византийские мотивы России /
Д. М. Абрамов — «Алисторус», 2015

ISBN 978-5-906817-44-0

Название «Новый Рим и Третий Рим» отражает тему становления России, как великой Евразийской державы – империи, соединившей в себе большую половину географической Европы и добрую часть Азии. Трагическая гибель Византийской (Ромейской) империи, взятие Константинополя турками-османами в 1453 году и тем самым утрата православной столицы мира, породили проблему преемственности православного и культурно-исторического наследия у всех народов и стран византийского круга и восточно-христианского мира. Мыслители, философы и правящая элита молодой, поднимающейся России по-своему, не беспристрастно, но с полной ответственностью осмыслили эту проблему и приступили к её решению. Так родилась религиозно-политическая концепция о Третьем Риме. Наболевшие за целый ряд столетий сложности и перипетии отношений Великодержавы с Малороссией (России с Украиной) с момента их воссоединения в середине XVII века, заставляют также в очередной раз вернуться к истокам и переосмыслить историю этих отношений. Особенно остро они проявились и зазвучали в наше время после возвращения Крыма в Россию, в ходе самоопределения и борьбы Новороссии за свою самостоятельность. Главная канва и основополагающие мотивы исторического пролога названных проблем отражены в представленных историко-художественных произведениях и новеллах.

УДК 94(100)"653"
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-906817-44-0

© Абрамов Д. М., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Дмитрий Абрамов. Новый Рим и Третий Рим	6
Предисловие	6
Часть I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дмитрий Абрамов, Дементий Климентьев

Новый и Третий Рим.

Византийские мотивы России

Дмитрий Абрамов. Новый Рим и Третий Рим

*Купол мгlistый, Святая София!
Вековечный, многоочитый!
Как войти в пределы пустые?
Как ступить на гулкие плиты?*

*Недвижимо воздушное море,
Окна-очи глядят незряче.
О, как много простора для горя,
Как раскрыты выси для плача!
Что здесь: «Радуйся» или «Здравствуй» —*

*Что и молвить — к тому ж при страже...
Пусть другие дивятся убранству,
Письменам-ятаганам —
Я же,
В пустоте твоего разора
Не бывав, не бродив — не вправе —
Слышу отзвук далекого хора,
Вижу все, как тогда: во славе, —*

*Ты-то знаешь.
Лелея сон твой,
Ввысь и вглубь, в пределы иные
Ты глядишь, закатное солнце,
Купол света, Святая София.*

Наталия Ганина

Предисловие

Шел третий год кровопролитной Освободительной войны на Балканах, начавшейся восстанием боснийских сербов в 1875 и болгар в 1876 годах. В России эта война получила название русско-турецкой войны 1877–1878 годов или «войны за освобождение балканских народов от османского ига». В конце ноября 1877-го в Плевне, осажденной русскими войсками, закончились запасы продовольствия и боеприпасы. Турецкий полководец Осман-паша сделал отчаянную попытку прорыва, но был отброшен обратно в крепость. 28 ноября турецкий гарнизон Плевны сдался на милость победителей. В русском плену оказались 43 тысячи солдат Османской империи во главе с их самым талантливым военачальником. Но под Плевной легло 32 тысячи русских солдат и офицеров. В результате ожесточенных боев у Шипки-Шейново 27–28 декабря того же 1877 года капитулировала очередная 20-тысячная вражеская группировка. Но на Шипке русские и их союзники болгары потеряли 9500 человек ранеными, уби-

тыми, больными, обмороженными и замерзшими. Пловдив турки отдали без боя. Трехдневное сражение к югу от этого города завершило военную кампанию. 8 января 1878 года русские войска вступили в Адрианополь (турецкий Эдирне).

«Вступление русских войск в Адрианополь существенно изменило обстановку, – писал заслуженный отечественный военный историк Л. Г. Бескровный, – Главная квартира считала необходимым не терять времени и тотчас овладеть Константинополем. В этих целях главнокомандующий просил поддержать действия Дунайской армии десантом одной из дивизий 10-го корпуса „с тем, чтобы по моему усмотрению можно было высадить ее на том месте, которое найду необходимым и удобным“. На запрос царя, зачем нужно снаряжать десант, он (главнокомандующий) ответил: „Когда в случае неприятия Портою мирных оснований, военные действия привели бы нас с сухого пути к Царьграду и Босфору“».

Между тем в Казанлык прибыла турецкая делегация для ведения переговоров о перемирии. 18 января стало известно о возможности вмешательства в переговоры Англии и о намерении этой державы ввести свой флот в Дарданеллы. Вечером того же дня уполномоченные обеих сторон приступили к обсуждению условий перемирия, а 19 января они были подписаны. Россия подписала акт о перемирии не только от своего имени, но и от имени союзников. В условиях перемирия говорилось: «Перемирие заключается между русскими, сербскими и румынскими, с одной стороны, и между турецкими вооруженными силами, с другой, на все время ведения переговоров о мире».

«Подписание перемирия еще не означало, что турецкое правительство утвердит предварительные условия мира. Во всяком случае, Турция получила столь необходимую передышку для организации обороны столицы. Обстановка явно изменилась в пользу Турции в связи с намерением Англии воспользоваться обстоятельствами и ввести свой флот в Дарданеллы. Так, 29 января английский флот уже вошел в Безикскую бухту. Но, с другой стороны, Турции не улыбалась перспектива разрушения столицы в случае возобновления войны, и ее правительство отказалось пропустить английский флот в Босфор», – писал Бескровный.

Русское командование сочло правомочным заявить, что стремление англичан присутствовать на Босфоре «слагает с нас прежнее обязательство, принятое нами относительно Галлиполи и Дарданелл», и потребовало от турецкого правительства очищения прилегающего к Константинополю района Сан-Стефано для размещения там русского авангарда и Главной квартиры. 11 февраля русские войска заняли Сан-Стефано. По соглашению с Реуф-пашой турецкие войска освободили боевую демаркационную линию, и авангардные части генерала Скобелева расположились на линии Перджикиой – Деде-Агач. Преследуя беспорядочно отступавших турок, русская кавалерия вышла на берег Мраморного моря. Русские офицеры без труда разглядывали минареты и купола Святой Софии в свои бинокли и подзорные трубы.

Оценивая ту ситуацию, вышеназванный историк писал: «Выдвижение русских войск непосредственно к Константинополю заставило турецкое правительство подписать мир. Его уполномоченные Севфет-паша и Садулах-бей договорились с (русскими дипломатами) Игнатьевым и Нелидовым по всем вопросам и в 4 часа 30 минут пополудни подписали Сан-Стефанский договор. Сообщая об этом в Петербург, главнокомандующий писал: „Лишь бы европейская конференция не испортила того, чего мы достигли нашей кровью“».

* * *

«– И что же вы так перепугались, господин прокурор? – иронически спросил Соболев. – Ну, вошли бы русские воины в турецкую столицу, так что с того?»

– Как что?! – схватился за сердце Мизинов. – Вы с ума сошли! Это был бы конец всему!

– Чему „всему“? – пожал плечами Ахиллес, но Варя заметила в его глазах беспокойство.

– Нашей армии, нашим завоеваниям. России! – грозно произнес шеф жандармов. – Посол в Англии граф Шувалов передал шифрованное донесение. Он собственными глазами видел секретный меморандум Сент-Джемского кабинета. Согласно тайной договоренности между Британской и Австро-Венгерской империями, в случае появления в Константинополе хотя бы одного русского солдата броненосная эскадра адмирала Горнби немедленно открывает огонь, а австро-венгерская армия переходит сербскую и русскую границы. Так-то, Михаил Дмитриевич. В этом случае нас ожидал бы разгром намного страшнее крымского. Страна истощена плевненской эпопеей, флота в Черном море нет, казна пуста. Это была бы полная катастрофа.

Соболев потерянно молчал.

– Но у вашего превосходительства хватило мудрости и выдержки не идти далее Сан-Стефано, – почтительно сказал Фандорин. – Значит, мы с Лаврентием Аркадьевичем могли так уж не торопиться...

– А в чем ваша-то идея? – резко спросила Варя.

– Извольте, расскажу. – Анвар оперся локтем о стеллаж, на котором лежали мешки с деньгами. – Я вижу спасение не в революции, а в эволюции. Только эволюцию следует выводить на верное направление, ей нужно помогать. Наш девятнадцатый век решает судьбу человечества, в этом я глубоко убежден. Надо помочь силам разума и терпимости взять верх, иначе Землю в скором будущем ждут тяжкие и ненужные потрясения.

– И где же обитают разум и терпимость? Во владениях вашего Абдул-Гамида?¹

– Нет, конечно. Я имею в виду те страны, где человек понемногу учится уважать себя и других, побеждать не дубиной, а убеждением, поддерживать слабых, терпеть инакомыслящих. Ах, какие многообещающие процессы разворачиваются на западе Европы и в североамериканских Соединенных Штатах! Разумеется, я далек от идеализации. И у них там много грязи, много преступлений, много глупости. Но общий курс верный. Нужно, чтобы мир пошел именно по этому пути, иначе человечество утонет в пучине хаоса и тирании. Светлое пятно на карте планеты пока еще очень мало, но оно быстро расширяется. Надо только уберечь его от натиска тьмы. Идет грандиозная шахматная партия, и я в ней играю за белых.

– А Россия, стало быть, за черных?

– Да. Ваша огромная держава сегодня представляет главную опасность для цивилизации. Своими просторами, своим многочисленным, невежественным населением, своей неповоротливой и агрессивной государственной машиной. Я давно присматриваюсь к России, я выучил язык, я много путешествовал, я читал исторические труды, я изучал ваш государственный механизм, знакомился с вашими вождями. Вы только послушайте душку Мишеля, который метит в новые Бонапарты! Миссия русского народа – взятие Царьграда и объединение славян? Ради чего? Ради того, чтобы Романовы снова диктовали свою волю Европе? Кошмарная перспектива! Вам неприятно это слышать, мадемуазель Барбара, но Россия таит в себе страшную угрозу для цивилизации. В ней бродят дикие, разрушительные силы, которые рано или поздно вырвутся наружу, и тогда миру не поздоровится. Это нестабильная, нелепая страна, впитавшая все худшее от Запада и от Востока. Россию необходимо поставить на место, укоротить ей руки. Это пойдет вам же на пользу, а Европе даст возможность и дальше развиваться в нужном направлении. Знаете, мадемуазель Барбара, – тут голос Анвара неожиданно дрогнул, – я очень люблю мою несчастную Турцию. Это страна великих упущенных возможностей. Но я сознательно готов пожертвовать османским государством, только бы отвести от человечества русскую угрозу. Если уж говорить о шахматах, известно ли вам, что такое гамбит? Нет? По-итальянски gambetto значит „подножка“. Dare il gambetto – „подставить подножку“. Гамбитом

¹ Абдул-Гамид – султан Османской империи (1876–1908). Время его правления вошло в историю под названием «Зюлюм» (гнет, угнетение). Он вернул империю к политике жесткого подавления национальных движений и господства мусульман над иноверцами. Во внешней политике Османская империя в годы его правления ориентировалась на союз с Германской и Австро-Венгерской империями.

называется начало шахматной партии, в котором противнику жертвуют фигуру ради достижения стратегического преимущества. Я сам разработал рисунок этой шахматной партии. В самом ее начале подставил России соблазнительную фигуру – жирную, аппетитную, слабую Турцию. Османская империя погибнет, но царь Александр игры не выиграет. Впрочем, война сложилась так удачно, что, может быть, и для Турции еще не все потеряно... Если, конечно, у меня будет такая возможность. Мидхат-паша вернется в Стамбул незапятнанным и возьмет власть в свои руки. Может быть, тогда и Турция переместится из зоны тьмы в зону света.

Из-за двери донесся голос Мизинова:

– Господин Анвар, к чему тянуть время? Это же просто малодушие! Выходите, я обещаю вам статус военнопленного».

(Из романа Бориса Акунина «Турецкий гамбит»)

* * *

«Турецкий гамбит», разыгранный османами в обороне Плевны и в ходе боев за Шипкинский перевал, не был реализован, потому что уже давным-давно разыграна и приведена в действие «византийско-русская рокировка».

Часть I

В кольце врагов

Соборная площадь Московского Кремля была запружена множеством запряженных и разряженных саней и возков. То были все возы князей, бояр, служилых людей разного чина и дьяков, понаехавших к ранней литургии. У коновязи под присмотром верных холопов стояли сотни добрых коней под дорогими седлами и черпаками. Кони похрапывали, опускали морды в торбы с зерном, хватали его губами и языком, хрустя, мерно перетирали зубами. Тут же по рыхлому снегу, изъеденному конской мочой, навозом, копытами, полозьями саней и вчерашним ярким солнцем, бегали, кудахтали куры. Пели и созывали кур петухи. И вся эта куриная братия, копошась, выискивая и выклеывая в снегу и в конском навозе зерна пшеницы или овса, дополняла общий гомон, несмотря на то, что было довольно рано. Солнце только позолотило верха кремлевских соборов и храмов. Где-то по соседству с Соборной площадью, а скорее за стенами Кремля, мычали не доенные еще коровы, блеяли овцы, хрюкали свиньи. На самой же площади шумели, взволнованно разговаривали, что-то обсуждая, тысячи людей из простонародья, холопов и слуг знати, кому не хватило места на литургии в Успенском соборе. Сустились люди, что хотели послушать сплетни, посудачить о том о сем. Сотни любопытствующих толпились у порталов собора, пытались войти внутрь, в тесноту молящихся под сводами, и услышать что-то интересное. Но слуги Великого князя и слуги митрополичьего двора выталкивали вон всех, чей наряд не соответствовал торжественности богослужения, совершаемого в храме. Так на третью неделю Великого поста началось на Москве новолетие – 1 марта 6948 года от Сотворения мира (1440 год от Р. Х.).

А под сводами старого Успенского собора торжественно пел митрополичий хор. Служили литургию. Ярko и жарко горели и таяли свечи в поставцах и в паникадиле. Светились лампы перед образами святых и мучеников. С правой стороны перед солеей и алтарной преградой в нарядном, расшитом серебром синем кафтане и наброшенном поверх него охабне с песцовой опушкой, стоял Великий князь Московский и Всея Руси Василий Васильевич. Он был довольно молод, широкоплеч и силен. В синих глазах его читались настороженность и предельное внимание. Вокруг него собрались его двоюродные братья – все третье поколение (внуки) Великого князя Московского Дмитрия Ивановича, что побил татар на поле Куликовом. Стояли за его спиной князья: Дмитрий Юрьевич Шемяка (Углицкий), Дмитрий Юрьевич Красный (Галицкий), Михаил Андреевич (Белоозерский и Верецкий), Иван Андреевич (Можайский) и даже совсем дальний сородич по мужской линии князь Василий Ярославич Серпуховской (шурин Василия Васильевича). А за князьями – все вящие мужи Великого князя и братьев-князей, а еще далее слуги княжеских дворов, сотни воинов-дворян и детей боярских. И все при саблях, мечях, секирах у поясов, а под кафтанами – кольчуги и доспехи. Служба текла, казалось, мирно и спокойно, но промеж знатных мужей и их слуг шли негромкие, тревожные разговоры.

– Прежде бо възре и поклонися и притече и любезно целова и знаменася крыжом Лятыским, и по сих прииде къ святымъ крестамъ православия. Последоваше же и провожаше и чтяше крыж Латыньскы и иде с ними до костеля, сиреч до церкви их, а о святых крестех православия небрежаше, ни провожаше. Еще не дошед Рима, таковая богоотступиаа делаше (Первым делом взирал, поклонялся, подходил, с любовью целовал и творил крестное знамение крестом польским, а потом уж подходил к святым крестам православным. Следовал, провожал и читал крест латинский и шел с ним до костела, то есть до храма их, а о святых крестах православных не заботился и не воспоминал. Еще и до Рима не добрался, а уж занялся богоотступничеством), – с миной презрения на молодом лице рассказывал своему ближнему боярину о митрополите Сидоре князь Василий Серпуховской.

– И по сих прииде Сидор въ область Римскую, в град нарицаемый Ферару. И тако сретоша его люди множество зело с великою честью, славы ради имени Великого князя Василья Васильевича всеа Руси. По малех днех начаша зборовати тамо. Первое снидошася на соборъ месяца сентемрия. Вниде папа Еугений в костель, с ним же архиепископы и бискупы Латынстии и стаха на левой стране. Царю же Ивану и патриарху бывшу на десной стране на престоле (И добрался Исидор до Римской области до города, называемого Феррара. И встречало его множество людей с великою честью, ибо прославлен Великий князь всеа Руси Василий Васильевич. Вскоре стал заседать и собор. Открылся он в сентябре. Вошел папа Евгений в костел, с ним же архиепископы и епископы латинские, и стали они на левой стороне. Царь же Иоанн² и патриарх были на правой стороне на престоле), – с довольством рассказывал своим младшим братьям Митрию и Семену боярин Иван Рязанский.

Братья-князья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный тихонько перешептывались промеж собою.

– Уже ли во истину подписаша Сидоръ-митрополитъ и патриархъ Иосифъ, да царь греческий Иоаннъ шертную грамоту с латыняне? – спрашивал Шемяка у Дмитрия Красного.

– Не иначе. И азъ бы подписалъ. Яко же не подписати, понеже турки царя Ивана и Цареградъ имуще держати за выю (Не иначе. И я бы подписал. Как не подписать, ведь турки взяли царя Иоанна и Константинополь за горло), – тихо отвечал старший брат младшему.

– Чему же быти ноне, брате? – спрашивал Иван Можайский у Михаила Верецкого.

– Еже ли правда есть, яко подписаша Сидоръ хартию с латыняне, то быти отныне вольныя Русския Церкви, без патриарха Цареградския и без поставления патриаршего, – отвечал Михаил.

А по левую сторону от солеи и алтарной преграды стояли жены, сестры и матери князей и вятших бояр с малыми детьми на руках. Детишки, что постарше, держались за подолы длинных, пестрых юбок и сарафанов, закрывавших каблуки женских сапожков. Великий князь Василий частенько поглядывал туда, и когда видел там свою жену с младенцем на руках, то взгляд его теплый, и в сердце рождалось чувство внутренней гордости. Жена его Мария Ярославна родила ему совсем недавно – на исходе января – второго наследника-сына. Того уже успели окрестить и нарекли в крещении Иоанном, в честь прадеда князя Иоанна Доброго и прапрадеда Иоанна Калиты. За подол Марии держался старший сынок Василия – Юрий. Тот уже и говорить умел хорошо и даже мурлыкал что-то во время богослужения. Ему уже было два с половиной года. Про себя же мыслил Василий Васильевич, что пусть-де знают все многочисленные братья-князья – Великий стол³ перейдет его сыновьям. Младенец же Иван пускал пузыри, шурил глазенки от бликов яркого света, издавал своим беззубым ртом какие-то нечленораздельные, но веселые звуки, словно подпевал митрополичьему хору.

А служба шла своим чередом. И вот, наконец, на солею из алтаря вышел митрополит Исидор. Все присутствовавшие в храме и вне храма давно ждали этой минуты. Приученная к богослужебному порядку паства не сразу, но довольно быстро затихла в соборе и даже на Соборной площади. Слышно было только редкое пение петухов, лай собак да ржание коней. Благословив власти, народ и воинство, митрополит начал проповедь. В тот час и прозвучали из уст Исидора возмущившие, определившие, отметившие всю российскую историю слова:

– В первых помяни, Господи, папу Римского. Да дерзаемъ братие, соединити православие с латынствомъ, дабы совкупити ся во Христе Бозе! Яко соединили есмь на святемъ соборе восточныя церкви и западныя!

После этих слов в храме начался ропот, переросший в громкий шум, а следом духовенство в ужасе услышало негодование паствы. Великий князь и все его окружение с суровыми

² Царь Иоанн – византийский император Иоанн VIII Палеолог (1425–1448).

³ Стол (славянск.) – престол.

лицами и очами полными гнева молча взирали на митрополита. Исидор, поняв, что случилось непоправимое, поспешил удалиться в алтарь. Далее служба шла без его участия и закончилась кое-как.

А на Соборной площади волновался черный люд. Говорили, что в конце февраля «прииде из Рима Сидоръ митрополитъ» и «глаголаху латынские словесы и ереси». Не знал простой народ, что митрополит Исидор – ставленник Константинопольского патриарха Иосифа – вместе с самим патриархом и его клиром, вместе с императором Иоанном VIII Палеологом принял участие в латинском Ферраро-Флорентийском соборе. Там и подписались они под унией с католиками, признав *filioque* и главенство папы римского над всем православным миром. Из многочисленной православной делегации, принявшей участие в работе собора, не подписались под унией только греческий митрополит Марк Евгеник Эфесский, его немногочисленные сторонники и представители русского священства. Делегаты духовенства Грузии, Валахии и Трапезунда тайно сбежали с собора еще до составления соглашения. Но митрополит московский, он же – кардинал римской курии грек Исидор, глава и единственный из русской делегации подписался под униатской хартией. А на следующий день после той литургии в Успенском соборе митрополит Исидор был заключен под стражу в Чудов монастырь и отлучен от богослужения, проповеди и общения с паствой.

С того дня Русская православная церковь пошла путем самостоятельного автокефального устройства (независимо от Константинопольского патриархата). Теперь русскому духовенству предстояло самому на поместном соборе избрать и рукоположить митрополита – первоиерарха Русской православной церкви.

* * *

Вскоре низложенный Исидор бежал из заточения. Нашлись «добрые люди», помогли. Осенью того же 1440 года в своем удельном Галиче умирал князь Дмитрий Юрьевич Красный. Его смерть *после долгого летаргического сна* поразила всех знавших о ней мистическим ужасом. Что снилось князю Дмитрию в том страшном, предсмертном сне, уводившем в загробный мир без соборования, причастия и покаяния? Может быть, видел он в том мрачном сновидении трагический для всей Московской России день 5 декабря 1437 года. Той осенью через южный рубеж Великорусских земель прорвалась орда хана Улу-Мухаммеда – одного из главных претендентов на верховную власть в Большой Орде. Огненным потоком покати́лась татарская рать к Москве. Великий князь Василий, предупрежденный заранее, двинул против Улу-Мухаммеда четырехтысячное конное войско. Русская конница встретила татар за Окой, под Белевом. Но силы оказались неравны. Татарская рать более чем вдвое превосходила русских. В жестокой кровавой сече русские полки потеряли девять воевод «и иных многое множество». Насмерть дрались москвичи. Но двоюродные братья Великого князя во главе своих полков не проявили мужества в Белевской сече.

«Князи большие убегоша здрави», – записал потом летописец.

Один из первых бежал от татар, спасая свою драгоценную жизнь, Галицкий князь Дмитрий Юрьевич Красный. Вслед за ним побежал со своим полком его родной братец – Углицкий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка. Страшным и трагическим было для русских поражение в битве под Белевом.

Снилось ли Дмитрию Красному в его смертном сне спустя три года, как татарские ратники ссекают головы смердам, гражданам, старикам, священникам и монахам, как насилюют русских женщин и дев? Виделось ли ему, как жгут вороги русские села и городки, как стелется горький черно-желтый дым по полям и весям? Как гонит враг многотысячный полон – связанных тугими веревками и забитых в колодки женщин, девушек, юношей, детей, ровно так же, как стадо скота? Слышалось ли ему в том сне, как плач и стоны русских людей, угоняемых в

Орду и на рынки работорговли, слились в один нестерпимый и нечеловеческий вой бесконечного терпения и страдания, в одну великую молитву к Господу-Христу-Избавителю?

Долго потом на Руси вспоминали «Белевщину». Но в тот раз простил двоюродных братьев Великий Московский князь Василий Васильевич. Теперь же со смертью Дмитрия Красного Галицкий удел перешел к его старшему брату – Дмитрию Шемяке. И осильнел тот и задумал лихое дело.

В страшные дни «Белевщины» татары полонили и угнали в Кафу на рынок работорговли двенадцатилетнего русича – отрока Нестора. Хоть и был он совсем юн, но успел обучиться грамоте – читал и писал, знал арифметику. Перекупщик рабов – турок из Кафы был неглуп и заметил, что отрок смышлен и может писать. Потому и решил не отдавать и не продавать его на тяжелые работы, а обучить турецкому языку и письму, а затем перепродать за хорошие деньги где-нибудь в Анкире, Фессалонике или Эдирне (Адрианополе). Полгода учил Нестор турецкий язык. Довольно быстро освоил он разговорную речь, а затем турецкое письмо. Понемногу, но успешно стал учиться по-арабски. А через год купец продал юношу в Эдирне турецкому эфенди, что служил в канцелярии известного османского военачальника Караджа-бея. По приказу эфенди юношу, не спросив его желания, обрезали и обратили в ислам, назвав его вторым именем – Искандер. Но Нестор хорошо помнил, кто он и откуда. Тайно носил он нательный крест и втайне исповедовал Христа.

* * *

Через год после событий, произошедших на Москве, в семью Великого князя Василия пришла великая печаль. Занемог в горячке старший сынок Юрий. Недолго проболел малыш. Забрал его Господь в трехлетнем возрасте. Долго плакала и причитала по покойному сыну княжна Мария. Неизбывным горем затуманились ее прежде ясные, синие очи. Не приведи Бог никому видеть, как оплакивает мать свое опочившее дитя. Долго убивалась и корила себя Великая княгиня за потерю старшего сына. От слез и страданий увяли ее молодость и благородная красота. Многие месяцы печалился о том Василий Васильевич, прося у Бога прощения за свои прегрешения. Но, как мог, утешал жену:

– Не плачь, Марьюшка, сына вспять не воротити. Господа ли ти смущати своими слезми? Христось упасеть его ангельскую душу тамъ, в Царствие своемъ.

– Себя виню. За мои грехи забралъ Господь нашего первенца, – отвечала Мария.

– Како узнаеши, почто взять Христось нашего сына во младенчестве. *Мыслью, понеже худо быти ему zde. А достояло яти ему Великии столъ.*

– Все бы вамъ – мужамъ мыслити о столахъ, волостяхъ да ратяхъ. Дайте мне чадо мое! – причитала княгиня.

Василий вновь успокаивал, обнимал и прижимал к сердцу плачущую жену:

– Милостивъ Богъ, дасть ны еще дитя.

И вскоре та узнала, что тяжела третьим ребенком. С тем понемногу успокоилась. *А второму их сыну, годовалому Ивану, отныне Бог судил стать наследником и преемником верховной власти в России.*

* * *

Прошло три года. Тогда на берегах Дуная и на западном побережье Черного моря разыгались судьбоносные для всех народов Юго-Восточной Европы события. Год 1443-й от Рождества Христова был отмечен началом одного из последних крестовых походов. Успехи турок на Балканах явили неотвратимую угрозу Венгрии и странам Центральной Европы. Прославленный герой венгерского народа воевода Трансильвании Янош Хуньяди возглавил ополчение

венгров, хорватов и сербов. Он и нанес поражение османам в Сербии и Валахии. Это подняло дух балканских народов, поработенных турками, а затем привело к созданию военного союза европейских стран против османов. В 1443 году с благословения папы римского был организован новый крестовый поход против турок, в котором приняли участие венгры, австрийцы, поляки, сербы, валахи и другие народы. Во главе крестоносцев на этот раз встал король Польши и Венгрии Владислав III Ягеллон. Под его знамена собралась армия в 30 тысяч воинов. Союзниками Владислава III стали Янош Хуньяди и сербский деспот Георгий Бранкович, ранее лишенный османами своих владений. Султан Мурад II в это время был занят затяжной войной в Малой Азии. Войско крестоносцев перешло Дунай и нанесло ряд поражений туркам в Румелии (в Македонии). Вдохновленные победами, крестоносцы вступили в Болгарию и овладели Софией. Местное население всюду встречало их как освободителей от османского ига. В том же 1443 году воины Креста достигли Фракии. Недалеко уже был и Константинополь. Победы христианского войска облегчили борьбу за независимость Албании, почти уже завоеванной турками. Там воевода Скандербег-Кастриоти возглавил сопротивление завоевателям-османам.

Узнав об успехах крестоносцев на Балканах, турецкий султан Мурад II летом 1444 года собрал огромную армию и подготовился к решительной схватке с войсками Владислава III. Одновременно турецкие дипломаты сумели внести раскол в стан противника и поссорили сербского деспота Георгия Бранковича с вождями крестоносцев. Тогда же хитрый султан заключил временный мирный договор с европейскими государствами сроком на 10 лет. На Юго-Востоке Европы установилось перемирие. Но *римский престол через своего легата кардинала Джулиано Чезарини склонял Владислава III к продолжению войны*. К этому его подбивала и Венеция, которая обещала прислать крестоносцам в поддержку свой флот. Предводители крестоносцев необдуманно прервали перемирие и возобновили войну с турками, хотя их армия оказалась более слабой. Крестоносное войско двинулось на восток Болгарии, к городу Варне, что стоит на побережье Черного моря. Там воины Креста намеревались получить помощь венецианского флота. Но венецианские корабли запоздали. Не пришли на помощь и войска сербского деспота. Холодным днем 10 ноября 1444 года огромная турецкая армия встретила крестоносное ополчение у Варны.

Молодой Нестор-Искандер своими глазами видел ту страшную битву. Он был тогда рядом с эфенди. Он знал, что турки заранее приготовили капкан крестоносному войску. За спиной передних рядов турецкой конницы, шагах в ста позади верховых, были поставлены многочисленные легкие пушки и стрелки с пищальми и луками. С высокого берегового холма, на котором располагалась ставка османского паши, юноша видел, как пять тысяч польских и венгерских рыцарей тронули коней и, направив копья на османов, двинулись в соступ. Их встретила легкая турецкая конница Анатолии (малоазийской провинции). Нестор находился не более чем в версте от места сечи и видел, что крестоносцы потеснили анатолийцев. Вслед за тем все крестоносное конное и пешее войско бросилось и вступило в сражение. Казалось, что сейчас воины Креста раздавят турок. Но в тот момент он услышал слова взволнованного эфенди, обращенные к одному с турецких военачальников:

– О достойный Ибрагим-бей, кафиры ввели в бой все силы! Боюсь, нашим храбрым воинам сейчас не устоять против неверных!

– Не стоит пугаться безумных, Керим-эфенди! Всемогуший Аллах лишил их рассудка и наделил мудростью нашего великого султана Мурада и его военачальника Караджа-бея. Иншалла (С помощью Аллаха)! Кафиры сейчас вкусят весь ужас позора, поражения и гибели.

Вскоре легкая анатолийская конница османов стала разворачивать коней и отступать. Анатолийские всадники легко оторвались от тяжелой рыцарской конницы, быстро рассеялись на флангах османского войска, без труда протекли сквозь строй лучников и пищальников. Преследовавшее их многочисленное крестоносное войско оказалось перед фронтом готовых к бою стрелков и пушкарей. Турки уже давно зарядили орудия и зажгли фитили. Между летевшими

во весь опор рыцарями, бежавшими с поднятым на врага оружием крестоносцами и турецкими стрелками оставалось не более семидесяти сажений. И тогда ряды турецких стрелков окутались белыми и черными клубами дыма. А еще через несколько секунд до ушей Нестора-Искандера долетели раскаты грохота, потрясшие округу и барабанные перепонки. То палили турецкие орудия. Нестору было хорошо видно, как в те же секунды передние ряды крестоносцев словно смело железной метлой и опрокинуло на землю. Словно ветер донес до ушей Искандера безумный вой и дикое ржание гибнущих людей и лошадей.

– Субханаллах (Вся слава Аллаху)! – видя это, прокричал в горячности Ибрагим-бей.

Нестор посмотрел на эфенди и увидел, что глаза его все еще тревожно, но уже радостно заблестели, и тот трясущимися руками, шепча молитву, погладил бородку. Юноша вновь посмотрел на поле брани. Там держали верх турецкие стрелки. Потоки стрел и град пуль гвоздили и крошили отступавшее крестоносное войско. Следом на плечи крестоносцев обрушилась турецкая и татарская конница. Верховые турки и татары секли, кололи, топтали, губили противника без милости...

Воины Креста были почти полностью уничтожены. Владислав III пал на поле боя. Во многом виновницей поражения была горячность короля, бросившего в сражение сразу все силы, не оставившего резервов и прикрытия. Трагическую участь Владислава разделил и кардинал Джулиано Чезарини. Последняя попытка европейских (главным образом католических) народов помешать турецким завоеваниям на Балканах полностью провалилась. Конечно, ромейский базилевс⁴ Иоанн VIII отказался открыто поддержать «клятвопреступников»-крестоносцев. Велик был его страх перед османами. Известие о варненском разгроме повергло Константинополь в тяжелое уныние. Последняя возможность отстоять город извне руками латинского войска ушла в небытие.

* * *

Получив Галицкий удел, осильнел Дмитрий Шемяка. Стал он опасным соперником Великого князя Василия II. Но то было полбеда. Беда пришла, когда вновь начались набеги татар. «Царевич» Мустафа «со множеством татар» вторгся в Рязанскую землю. На этот раз ордынцев удалось отразить. В бою на речке Листани был убит сам «царевич», но и русские понесли большие потери. Хоть русские князья и платили «по-старине» «выход в Орду»⁵ и ездили туда за ярлыками на Великое княжение, прочного мира на юго-восточной границе не было. А тут в 1445 году семитысячная литовская рать осадила Козельск и Калугу. Большой крови стоило великорусскому войску остановить литовцев на реке Суходрев.

Еще хуже стало летом 1445 года на восточном рубеже Русской земли. К тому времени Улу-Мухаммед разгромил волжских болгар на Средней Волге. Здесь и основал он свое ханство – Казанское. Вскоре его рать razорила Нижний Новгород. На Москву же послал «казанский царь» войско под рукой своих сыновей. Навстречу ему с немногими конными полками спешно вышел Василий Васильевич.

«А князь Дмитрий Шемяка и не пришель, ни полковъ своихъ не прислалъ», – записал московский летописец.

Снова, как под Белевом, угличский князь, самый сильный из удельных князей Москвы, не захотел проливать кровь за Русскую землю. Княжеское войско и татарская рать встретились под Суздалем. На рассвете 7 июля казанцы переходили реку Нерль. Русские, уже готовые к бою, с поднятыми знаменами, копьями встретили врага. Но не все русские полки были собраны в месте сражения. Великий князь Василий решил не ждать, пока татарские отряды полностью

⁴ Базилевс (греч.) – император. Ромейский базилевс – византийский император.

⁵ Выход в Орду – выплата дани Золотой Орде.

переправятся через реку. Под Суздальским Спасо-Евфимьевым монастырем закипела конная битва: полторы тысячи русских против трех с половиной тысяч татар. Русские сначала потеснили врага. Но бегство вражеской рати оказалось притворным. Татары перестроились и вновь соступились с русскими. В самой гуще боя «добре мужественно бился» Великий князь Василий. Многократно раненный, в избитых доспехах, он был схвачен врагами. В плен попали многие князья, бояре и простые воины. Был ранен и взят татарами князь Михаил Андреевич Верейский, не оставивший на поле битвы своего старшего брата Василия. Под братом Михаила – Иваном Андреевичем Можайским пал конь. Раненый, успел он поймать другого жеребца, сесть в седло и ускакать с поля битвы. Вырвался со своими людьми из вражьего кольца, уже после того, как татары почти одолели русских, и шурин Великого князя Василий Ярославич Серпуховской. Тяжелым было то поражение.

Однако самым страшным казалось то, что Великий князь Московский стал заложником в руках Казанского хана. В это время и повел Улу-Мухаммед переговоры с Дмитрием Шемякой. В Угличе побывал посол хана Бигич. А обратно в Казань он возвратился с послом Шемяки – боярином Федором Дубенским. Соглашение о союзе Углицкого князя и казанского хана состоялось. На Русскую землю было положено еще одно ярмо – казанское иго. Однако и Василий Васильевич сумел оценить обстановку и пойти на уступки хану. Вынужденно согласился он с тем, что заплатит «окуп, сколько может», за себя и своих соратников. Тот огромный выкуп собирали по всей Русской земле. Лишь 26 октября выкупленный из полона князь Василий прибыл в Переславль-Залесский. Здесь его встречали семья, бояре, весь двор. Взяла тогда княжна Мария с собою детей – Ивана и третьего, меньшого сыночка, Юрия, чтобы встречать мужа и отца.

А Шемяка тем временем заключил тайный сговор с князем Иваном Можайским и с князем Борисом Тверским против Великого князя. Вернувшись на Москву из полона, Василий Васильевич решил съездить на богомолье к Троице. Благодарить хотел Господа за свое спасение. Тронулся он в путь «с зело малыми людьми». Не знал Василий Васильевич, что заговорщики следят за каждым его шагом, что Шемяка и Иван Можайский с полками стоят уже на Рузе, в двух конных переходах от Москвы. Как только князь Василий выехал в Троицу, заговорщики двинулись к Москве. Тайно сговорился Шемяка и с некоторыми московскими боярами, да купцами. Не обошлось без подкупа. В ночь на 13 февраля 1446 года изменники открыли ворота города, и войска Шемяки вошли в столицу. Начались расправы. Были схвачены обе Великие княгини, разграблена казна, посажены в оковы верные Василью бояре, «а дворы их пограблены». В ту же ночь Шемяка послал Ивана Можайского со многими людьми в Троицу, дабы схватить и самого Великого князя...

* * *

На дворе стояло студеное февральское утро, украшенное первыми сполохами розовых лучей восходящего солнца. Ветки деревьев опушило снегом и инеем. Стряхивая снежную пыль с веток, туда-сюда перелетали снегири и синицы. Птички ссорились и дрались за хлебные крошки, что стряхнул с подола своей рясы на утоптаный снег недалеко от паперти какой-то старый мних. Мороз сильнел, и от шагов людей скрипел и словно звенел снег. А в белокаменном соборе Святой Троицы было тепло. Горели свечи. Служили литургию. Народу было совсем мало. Василий Васильевич, одетый в теплый кафтан, клал поясные поклоны и творил крестные знамения, незаметно позевывая в кулак. А рядом с князем, повторяя за ним все его движения, стояли его малолетние сыновья – шестилетний Иван и четырехлетний Юрий. Одетые в полушубки мальчики неуклюже кланялись, и на лбах у обоих уже выступали капли пота. Ивану хотелось спать и кушать, но он держался, видя строгую и упорную молитву отца, а меньшей – Юра, не стесняясь и не задумываясь над тем, что его окружало, открыто зевал всем ртом и

ждал, когда его поведут поснедать. Позадь князя и его сынов стояли верные княжеские бояре: Иван, Семен да Дмитрий Ряполовские. Самый молодой из них, Митрий, иногда склоняясь ко княжичу Ивану, шутливо шептал ему на ухо:

– Буде тебя, княжичь, поклоны-т класти. Небось исти хочеши? Шоль бы, да поснедать, а тамъ возвернеши ся да и молишь себе.

– Отчего, Митрий, самъ не снедавши, стоиши ту? – спрашивал в ответ княжич.

– Мне не можно. Язь возросъ уже, – отвечал, улыбаясь, молодой боярин.

– Не прельстити тебе мя, Митрий. Вемъ, яко ни малымъ, ни возрослымъ нельзя снедати предъ причастиемъ, – нахмутив бровки и немного подумав, отвечал княжич.

– Да ты ступай отай, яко хочеши на дворъ. А тамо сходи до трапезной, да и поишь чо. Мнихи чай ти не откажутъ. Яко же возвернеши ся, zde же и не сказывай, – настаивал, улыбаясь, Митрий.

Княжич задумался на несколько мгновений, но, посмотрев вверх на молодого боярина и увидав лукавую улыбку на его устах, отвечал:

– Иди-ко ты сам, Митя в трапезную. Поишь, и мне принесеши...

Тут одна створа храмовых врат распахнулась, скрипнула, и в клубах морозного пара в собор негромко нырнул, слегка шаркая валенками по каменному полу, служка Ряполовских. Быстро и незаметно подошел он сзади к боярину Ивану и негромко зашептал ему на ухо. Услышав что-то от слуги, боярин вдруг нахмурился, округлил глаза. Затем резко отстранил от себя служку и, потянувшись к Василию Васильевичу, стал негромко говорить ему о чем-то через плечо. Услышав слова старшего брата, заволновались Семен и Дмитрий. Великий князь, оторвавшись от молитвы, слушал с предельным вниманием.

– Что велиши, княже? – задал вопрос Иван Ряполовский, заканчивая свой короткий сказ.

– Язь с своею братьею в крестномъ целовании, то как можетъ быти такъ? – вопросом на вопрос недоуменно отвечал боярину Василий Васильевич.

– Поостерегись, княже, ради Христа! Никитка верный холопъ, николи же не оманываль, – вымолвил, словно взмолился, Ряполовский.

– А ну подь сюды борзо, перескажи князю! – повелительно, но с тревогою в голосе молвил боярин, обращаясь к слуге.

Мгновенно представ пред княжески очи, тот склонился в поясном поклоне и, не разгибаясь, вымолвил:

– Не вели казнити, княже!

– Молви скоро, – негромко велел Василий, нахмутив брови и с тревогой во взоре.

Слуга, так и не разогнувшись до конца, не поднимая глаз на Великого князя, стал быстро, но внятно рассказывать, что уже четверть часа назад к монастырским воротам по глубокому снегу движется череда саней, крытых рогожами. Чай уже с горы съехали да добрались до обители. Саней-то сотни полторы. Судя по слухам от окрестных смердов, в каждой санях по два dospешных воя, а третий ведет запряженного коня. Де ко княжеской стороже подобрались еще в темноте и сняли тую врасплох...

Тут северные врата собора со скрипом распахнулись, и в храм с криком ворвался один из dospешных дворян князя. Простужено и хрипло проорал он во всю глотку:

– Беги, княже-господине, спасай ся! Можайцы в обители, да Шемякины люди уже сторожу поимали у воротъ...

Служба в храме, и без того уж притихшая, прервалась совсем. Резко обернувшись в сторону раскрытых церковных врат, князь увидел, что в деснице воина зажата обнаженная, окровавленная сабля, а обе длани и лицо его в крови. Медлить было нельзя ни минуты.

– Иван! С Семеном да Митрием скоро берите сыновъ, да бегитя ко мнихамъ. Спрячуть чай в кельяхъ, – негромко, переходя на шепот, но твердо выпалил Василий.

– Како же ты, княже? – с мольбою спросил Иван.

– Ступайте, вборзе! – уже с нетерпением крикнул Василий.

Дмитрий и Семен Рязполовские послушно схватили на руки княжеских чад – Ивана с Юрием и бросились к раскрытому portalу.

– Несть! – зычно крикнул Василий. – Уходят полуденными⁶ вратами!

Митрий и Семен послушно исполнили волю князя. За ними поспешил Иван Рязполовский.

– Ивань! Гляди же, сыновь моих убереги! – крикнул князь вдогон.

Затем, обернувшись к иконостасу, наложил на себя крестное знамение и молвил:

– На все воля Твоя, Господеви!

– Княже, бегти надо ти на конюшенный дворъ, – вымолвил пораненный воин, опускаясь пред Василием на колени, теряя силы и подплывая кровью.

– Спаси ты Христось, – промолвил князь и ринулся в открытые врата северного портала. По глубокому снегу небыстро добежал он до конюшни. Запыхавшись, открыл воротную створу и увидел, что у коновязи нет ни одной лошади.

– Не бе мне коня уготовано! – в отчаянии крикнул он.

Произнеся это, Василий напряженно осмотрелся и вновь побежал в собор. Быстро добравшись туда, велел мнихам накрепко затворить все врата. Те с перекошенными от страха лицами беспрекословно исполнили приказ князя. Василий осмотрелся. На полу в луже крови лежал воин его двора, что предупредил господина, подняв сполох. Над ним склонился кто-то из монастырской братии. Василий подошел и присел пред лежавшим воем. В церковные врата забарабанили, требуя открыть.

– Живъ ли? – спросил Василий монаха.

– Живой есть, токмо язвленъ зле, – негромко отвечал мних.

– Почто же zde ти, княже? – прошептал воин сквозь зубы, открыв глаза.

– Понадеял ся язъ грешный на крестное целование... не повеле себе ничего уготовити, – отвечал князь со скорбью в голосе.

В ту минуту в северные церковные врата ударил таран.

– Отворяйте! Ни то силою врата сымемъ! – орал кто-то снаружи.

Удары в воротные створы становились все сильнее и сокрушительнее. Посыпалась штукатурка с фресками.

– Княже, воспрети имъ крушити церковныя врата, – молвил с трепетом кто-то из братии.

Василий подошел к запертым вратам и громко вопрошал:

– Эй! Есть среди вас кто из бояр, аль бо князь?

– Кто самъ есть таковъ? – слышали снаружи.

– Великий князь Московский, – сказано было в ответ.

– Великий князь Димитрий на Москве! Ту же несть Великому князю, – последовали ответ и веселый гогот.

– Цыцъ те, холопы! – прикрикнул кто-то грозно снаружи

– Зде язъ есть, боярин Никита Добрынский, княже! Узналь ли мя? – громко произнесено было тем же голосом.

– Узналь ти, Никита. Чего хочеть братъ мой князь Можайский Иван Андреевич?

– Вели мнихамъ отворити врата, княже, – ответил Добрынский.

– Поди, Никита, молви Ивану, де хочеть Димитрий (Шемяка) Великого стола, отдамъ ему. Перескажи, де приму постригъ zde же в Троице, не выиду из обители. Буду Господа молити за братью свою. Не помыслиу никоего лиха супротивъ братьевъ! – со слезами на глазах, но уверенно и твердо промолвил Василий сквозь запертые врата.

⁶ Полуденный (русск.) – южный.

С той стороны слышен был лишь негромкий разговор. Однако удары тарана прекратились.

– Что же ты, Никита? Поидеши ко Ивану? – вновь спросил Василий с тревогой в голосе.

– Вели отворити, княже! Ино врата symemъ, ино храмъ пожемъ, не вводи во грех, – отвечал боярин.

– Отворимъ, княже, лъзя ли храмъ пожеши? – негромко и неуверенно запричитали мнихи.

Василий оглядел суровым взором братию и тихо, но твердо молвил:

– Отворяйте.

– А ты, отче, – обратился он к мниху, указуя на раненого, – пригляди за слугою моимъ, уврачуи раны. Сполнишь, не забуду сего...

В полутемном храме раздался глухой удар затвора и скрип отворяемых церковных врат. С клубами пара в храм ворвались десятки вооруженных воев, принявшихся избивать мнихов. Минуты через три, гремя подковами кованых сапог, к Василию Васильевичу подошел дородный, крепкий как дуб, раскрасневшийся от мороза в шубе наброшенной на плечи, с мечом на поясе, доспешный боярин Никита Добрынский, и, положив длань десницы князю на десное рамено, молвил:

– Поиманъ еси, ти княже, Великимъ княземъ Дмитриемъ Юрьевичемъ...

А еще через полчаса голые сани со связанным полураздетым пленником, плечи которого прикрыты были старым тулупом, помчались по зимней дороге в Москву. С ним на санях сидели двое воев-стражников – то были холопы князя Можайского.

* * *

В монастыре какое-то время еще царил сполох. Люди Шемяки и можайцы искали, вязали, били москвичей и сторонников князя Василия. Но монахи успели спрятать княжичей с Митей Ряполовским на сеновале близ трапезной. Иван да Семен Ряполовские укрылись в погребах. Запомнился на всю жизнь маленькому княжичу Ивану тот страшный день. Когда монахи привели их на сеновал, спешно раскидали стог и посадили их в него, маленький Юра от испуга заревел во все горло. Иван и сам готов уж был пустить слезу, но Митя Ряполовский, насупив брови, серьезно пригрозил:

– Не можно, княжич, слезе попуцати. Достойно ли ти еси? Вона лутче угомони меньшого братца.

Пока монаси закидывали их сеном, Иван с дрожью в голосе и с трепетом в сердце вытирал слезки на глазах брата и уговаривал:

– Юрочекъ, цыцъ ти. Будеши выти, злые волци услышать яко плачеши, приидуть и съядять ны.

Наконец уговоры Ивана подействовали. Меньшой брат успокоился. Да и монаси надежно обложили их сеном со всех сторон. Им втроем стало тепло и уютно. Юра засопел, уснул. Вдруг в трапезной по соседству послышалась матерная брань и глухие удары. Иван понял, что злые люди, которые ищут их, крушат столы и лавки, опрокидывают и бьют глиняные горшки и посуду. Заскрипела и хлопнула дверь. Наглые, обозленные, пьяные голоса и шаги людей послышались совсем близко. Митя Ряполовский зажал обеими дланями рты княжичам. Вдруг что-то острое, жесткое и длинное, рассекая сено, прошло в вершке над головой княжича. Прошло и тут же было утянуто назад. Затем точно также, но далее за их спинами, и раз, и другой. По напряжению длани Митрия Иван понял, что тот сжался в комок, обняв и притянув княжичей к себе. Юрочек уже спал, пуская пузыри носом.

– Нету ти ни кого zde! Кому ту быти?

– Разбегли ся сучьи дети!

– Поидемъ отсель! – слышал Иван хмельные голоса.

Вновь заскрипела и хлопнула дверь. Шаги удалялись. Наступила продолжительная, звенящая тишина. Слышно было только, что где-то под стогом копошилась мышь...

– Копиемъ стогъ насунули, суки (Копьем в стог кололи, суки), – прошептал Митрий еле слышно и с дрожью в голосе.

Затем он отнял длань от уст княжича и также тихо добавил:

– Тсс! Молчи Иванушка, нельзя глаголати. Пожди есчо маленько...

* * *

Холодно, и жутко было Василию Васильевичу в порубе⁷, что на Шемякином дворе на Москве. Он сидел, закутавшись в драный тулуп, на небольшой охапке соломы в полной темноте. Новый московский князь не велел зажигать даже лучины в темнице, где заточен был его пленник – двоюродный брат. Руки и ноги князя были скованы кандалами так, что особо и не походишь, и не поделаешь чего-либо. На лице была повязка, закрывавшая глаза. Крынка воды и кусок краяхи были у него в ногах на глиняном полу, а в углу поруба стояло смердящее ведро. Стены сруба были так хорошо законопачены, что свет почти не проникал внутрь. Князь Василий передвигался на ощупь. Шестым чувством угадывал он, что свечерело.

Вдруг его ухо четко различило, что к порубу подошло несколько человек. Князь понял, что старались идти тихо, но снег легким поскрипыванием выдавал пришедших. Вскоре негромко щелкнул ключ в тяжелом навесном замке. Замок сняли с петель, а за ним отодвинули и засов. Князь Василий окликнул:

– Кто тутъ есть?

Ответа не было. Тихо скрипнула дверь, и князь понял, что вошли.

– Кто пришел? Что надо ти? – вновь взволнованно спросил Василий Васильевич.

Ответа не последовало. Сердце князя забилось гулко и тревожно. Вошедшие в поруб молчали, но дышали тяжело. Ноздрями князь почувствовал запах крепкого меда и пива.

– Иль погубити решил мя брат мои – князь Димитрий? – в отчаянии спросил он.

Вошедшие молчали и лишь натужно сопели.

– Отвечаите, холопы! А коли тако, дайте молитву покаянную сотворю! – крикнул он дерзко.

– Не быти тебе днесъ в покойникахъ, – молвил приглушенно кто-то сиплым пьяным голосом.

– Моя бы воля, отправиль бы тя к праотцамъ, да не велено, – молвил другой уже с провизгом, – вспомяни ноне, как брату своему князь Василью Юрьевичу велел очи вынуть.

Кто-то третий лишь негромко гоготнул.

– Вали его, – молвил осипший голос.

Василий Васильевич почувствовал, что сверху навалились двое и опрокинули его навзничь спиной на солому.

– Волци, чего хотите? Не троньте мя! – воскликнул князь. Сердце его бешено забилось в груди.

– Язви его! – крикнул тот, что с провизгом.

– Не троньте мя, людие! Брату Димитрию молвите за мя, де постригъ прииму, уиду в монаси, отдамъ ему Великий столъ Московский. И вас награжу! Не забуду милости вашей! – успел крикнуть Василий.

Он почувствовал, что тяжелые и сильные мужи придавили его к земле и держали крепко за руки и за ноги, несмотря на то, что он и так был хорошо скован. Вдруг с его лица сорвали

⁷ Поруб – бревенчатая тюрьма без окон.

повязку. В последний момент увидел он яркую вспышку факела, горевшего над ним, и искаженные ненавистью лица незнакомых ему холопов. И тут же в свете факела чья-то рука поднесла к очам отливавшее ярким бликом факельного пламени острое клинка. Оно было сверху – в вершке от его глаз.

Мгновение! ...

Десное око князя пронзило невыносимой болью и огнем.

Еще мгновение! ...

Левое око выжгло нестерпимым, колющим ударом.

Последнее, что помнил князь в тот миг, – то, как на лик ему хлынула горячая, липкая кровь, омывшая, выплеснувшая из глазниц адскую муку боли. И последнее, что выкрикнул он, уже теряя сознание:

– Изверги! Нету вам прощения!

* * *

На высоком, обрывистом левом берегу полноводной Оки высятся рубленый град Муром. Непрístupными в ту пору были его стены и стрельницы⁸. Был он крепким градом-сторожей Московской России на восточных ее рубежах. А окрест Муром по берегу стоят небольшие, но крепкие монастыри: Благовещенский, Троицкий, Спасский. Стал Муром прибежищем князьям Рязполовским и юным княжичам. Когда случились в Троице сумятица и великий сполох, спрятали их чернецы. А под покровом темноты бежали Рязполовские из Сергиевой обители, спасая княжичей Ивана и Юрия. Ушли сначала на двух санях в свою вотчину под Юрьев-Польский. А оттуда со своими дружинами и холопами в Муром. Затворились в граде и стали готовиться к осаде.

В градских хоромах Муром, что близ храма святителя Николы Набережного, в большой палате собрались пять вятших мужей Московской земли, среди которых были двое детей – княжичи Иван да Юрий. На лицах бояр были тревога и озабоченность. Рассказывал молодой боярин Василий Федорович Образец, бежавший от Шемяки из Москвы и только что приехавший в Муром. Печальные вести привез он с собой. Чем дольше слушали братья Рязполовские и муромский воевода Константин Александрович Беззубцев, тем тревожнее и озабоченнее становились их лица и глаза. Шестилетний княжич Иван видел это, угадывал в глазах и речах взрослых тревогу. Ему становилось страшно, хотя он мало что понимал из разговора бояр. Однако десной рукой прижимал он к себе малого братика Юру. А тот крутил белобрысой головкой и беспечно ковырял в носу указательным перстом.

– Шемяка – песь, упивается победою. А полоняника князь Василья посади на своя дворе в порубь. На Москве и ведать не ведали про то. Но чрезь два дни прошель слухъ, де ослеплень есть князь Василии Васильевичъ! – молвил-выкрикнул боярин.

– Не приведи Господеви! – вскричал Иван Рязполовский.

Испуганный этим криком княжич Иван вздрогнул и посмотрел сначала на старшего Рязполовского, а потом в глаза Митрию. Тот не мог его обмануть. Ваня увидал, что в очах Мити блеснули слезы, и тот посуровел ликом. В синих глазенках княжича вспыхнул испуг, но он справился с собой и еще сильнее обнял малого братишку.

– Жестокосердно, коварно отмстил князь Димитрий Великому князю Василью! – промолвил, качая головой, воевода Беззубцев.

⁸ Стрельница (русск.) – башня (без ворот) для стрельбы в XIV–XVII веках. Другое название – «костер».

– За князь Василья Юрьевича Косого⁹ отмстил – за братца свою старшенького, хотя сам тогда на стороне князя Василья Васильевича был, – сказал, тяжело вздохнув, Семен Ряполовский.

– А дале то, что с князь Василием Васильевичем стало ся? – с нетерпением спросил Иван Ряполовский.

– Вместе с княгинею-женою поточи его во Углич – в заточение. А мать-княгину Софью Витовтовну есчо дале – в Чухлому, – отвечал Образец.

– Да, оттоле не вырвесси, – промолвил воевода, – то все удельные-т грады Юрьевичей.

– Ну а како же ины мужи: служилые, дети боярские, бояре да князи? – спросил вновь Иван Ряполовский.

– Служилыя-т люди, дети боярския приводили ся к крестоцелованию на имя князь Дмитрия Юрьевича. Но князь Василий Ярославич и Семен Оболенской отказали ся присягати, да поточи в Литву, – отвечал Образец.

– Да, король-т Казимир и князь Литовские охотныг прияти пришлецов с Москвы, – высказал свое мнение муромский воевода.

– Слухъ есть, даль-де король князь Ярославу некии грады у рубежа. Туда и поточи вся противники Шемяки. Сын боярский Федька Басенок отказаль ся целовати Крестъ Дмитрию Юрьичу. Тотъ и вели заковать Федьку в железа тяжки и держати подъ стражею. Но Федька уговори пристава и в бега к Коломне. А тамъ собери отрядъ удалцов из дворянъ, детей боярскихъ, да пошел со многими людьми к Василью Ярославичу за литовской рубежъ, – рассказывал Образец.

– Охъ, не быти добру на Москве и в Руськой земли. Много еще кровушки прольется! – молвил со вздохом Иван Ряполовский.

– Ну а черный-т людъ что глаголетъ? – спросил Семен.

– Все людие негодоваху о княжение Шемякином, но и на самого мысляху. Хотяще Великого князя Василия на своем осподарстве видети, – отвечал Образец.

– А како же мыслять священство и отцы-иерархи о томъ? – спросил Иван.

– Слухъ есть, де едетъ в Муромъ рязанский епископъ Иона. Де посыланъ к намъ от Шемяки, – отвечал ему воевода...

* * *

И действительно, через несколько дней, когда весна вступила в свои права, потеплело и стало быстро таять, рязанский епископ добрался со своим двором до Муром. Встречали его все в той же палате в Муромском кремле. Седовласый и седобородый епископ в богатых ризах в окружении клира и церковных служек воссел на лавке у стены. Ряполовские с Муромским воеводой да с Васильем Образцом предстояли ему. Малолетние княжичи Иван и Юрий сели на лавку одесную епископа. Иона рассказывал, зачем приехал в Муром. С его слов выходило, что на Москве недовольны были правлением Шемяки, потому искал он возможности уладить отношения со священством, боярством, служилыми и посадскими людьми. Просил он Иону, чтобы сыновья Василия Васильевича были отпущены из Муром и представлены пред его очи:

– Князь Дмитрий Юрьевич радъ ихъ жаловати, – пересказывал Иона слова Шемяки, указывая на княжичей, – отца ихъ выпустить и отчину дать довольну. С темъ и заверилъ мя и Крестъ на томъ целовать.

Правда, не сказал Иона, что обещал ему Шемяка митрополичий сан. После низложения и бегства Исихора Русская церковь уже седьмой год была без пастыря.

⁹ Василий Юрьевич Косой – родной старший брат Дмитрия Юрьевича Шемяки. В ходе феодальной войны с Великим князем Василием II попал к нему в плен, был ослеплен и заточен в монастырь.

– Владыко, князь Дмитрий Юрьевич и Великому князю Василию тоже Крестъ целоваль, а очи-то вынулъ, – ответствовал Иван Рязановский.

– Ведаю о томъ, бояринъ. Но ведь и князя Василия Юрьевича (Косого) не помиловаль князь Василий Васильевич... Но коли священство обольстити Дмитрию Юрьевичу, отвергнуть будетъ Святыя церкви (Если же обманет Дмитрий Юрьевич священство, отлучен будет от Святой церкви).

– Так-то оно так, владыко. А и не простятъ намъ людие, егда князь Дмитрий учнетъ козни свои творити.

– Ну а не послушаете мя, совокупить князь Дмитрий Юрьевич вои свои и двигнетъ полки на Муромъ. А ино и татары Улу-Мухаметовы по слову князь Дмитрия приидутъ на вас. Не устояти граду сему.

– Истину глаголеши, владыко. Но большую кровию яти имъ сеи градъ – молвил воевода Беззубцев.

– Ведаю, сыне. Но бояре Рязановские остромыслены мужи, вотъ и помыслети имъ, како быти ту.

В палате наступила продолжительная тишина. Только братья Рязановские: Иван, Семен да Дмитрий – шепотом вели разговор между собой. Наконец они о чем-то договорились.

– А и то, отче, – заговорил Иван, – негоже идти намъ супротивъ твоеи владычней воли. Отпустимъ с тобою княжичей ко князь Дмитрею. Но выдадимъ тебе ихъ «на патрахиль», како же свершиши клятвенный обрядъ в соборной церкви Рождества Богородицы.

– Быти сему, – отвечал Иона.

* * *

Жребий был брошен. В сопровождении епископа Ионы княжичи прибыли в Переяславль-Залесский, где их ждал Дмитрий Юрьевич Шемяка.

В истории есть события, носящие глубоко символический характер, скрывающий их подлинное, реальное значение, открывающееся лишь со временем. Подобное произошло в Переяславле 6 мая 1446 года. Лицом к лицу встретились тогда уходящее – мрачное, заматерелое, но цепкое и живучее прошлое Руси и ее будущее – пока еще хрупкое и на вид незащищенное. Пред грозным, коварным, казалось, всемогущим Шемякой – живым воплощением удельной, раздробленной и враждующей страны – предстал тогда шестилетний княжич Иван, которому предстояло положить конец тяжелому удельному наследию Русской земли.

После довольно сухого и неискреннего приема княжичи были приглашены на обед, одарены подарками и на третий день отправлены вместе с епископом к отцу в Углич.

Выполнив поручение Шемяки, Иона возвратился в Москву и «сел на дворе митрополищемъ». Не торопился хитрый Шемяка исполнять свое обещание и отпускать из Углича своего ослепленного, казалось, бессильного врага. Но промыслом Божиим просчитался он. Главная опора великокняжеской власти – испытанный в Думе и в походах служилый вассалитет: князья, боярство, дворяне и дети боярские – негодовали и выступили против него. Попытка освободить князя Василия и его семью не удалась, и все участники ее бежали в Литву к Василию Ярославичу. Земля шаталась под ногами Шемяки. Епископ Иона и церковные иерархи также настойчиво требовали выполнить обещанное – выпустить на волю Василия Васильевича и наделить его вотчиной.

В сопровождении бояр, епископов и архимандритов Шемяка явился в Углич. В торжественной обстановке велел он выпустить князя Василия и его семью из темницы и заключил с ним мир на крестном целовании. В вотчинное владение слепому князю была дана Вологда – маленький городок на севере Московской земли, у спорного с новгородцами рубежа. Туда и отправился с семьей вчерашний пленник.

* * *

Той же весной 6964 года (1446 по Р. Х.) деспот Морей и владетель Мистры¹⁰ Константин Палеолог по прозвищу Драгаш¹¹ в сопровождении воинов своего двора и младшего брата Фомы подъезжал к Истме, что на Коринфском перешейке. Константин был сильным и красивым мужем в расцвете сил, ему еще совсем недавно перевалило за сорок. Он носил небольшую темно-русую бороду. Черты лица его свидетельствовали, что он умен, смел, резок, но открыт. Так же как Дмитрий и Фома, Драгаш приходился кровным младшим братом правившему ныне в Константинополе императору ромеев¹² Иоанну. Другие их братья (сыновья покойного базилевса Мануила II) – Феодор и Андроник уже отошли в мир иной. Все младшие братья автократора¹³ Иоанна имели свои вотчины в Морее. Но ее верховным деспотом (правителем) ныне был Константин. У него давно не ладились отношения с Димитрием. Не раз он враждовал и с покойным Феодором. Но самый младший брат, Фома, владетель неприступной Монеувасии¹⁴, во многом подражал Константину и был его единомышленником. Фома по молодости своих лет не носил еще ни бороды, ни усов. Внимательные глаза его цвета васильков свидетельствовали, что это умный и доверчивый человек.

Кортеж Драгаша направлялся к самому уязвимому месту «Длинной стены», что преграждала путь завоевателям по Коринфской дороге вглубь Пелопоннеса. Каменная стена строилась не одно десятилетие поперек перешейка между Коринфским заливом и Эгейским морем. Многие поколения греков укрепляли, надстраивали и воссоздавали ее после разрушений. Стена протянулась почти на два десятка стадий¹⁵. В стене имелись десятки башен и несколько ворот. Перед ней был вырыт ров и насыпан высокий вал. Южная сторона стены имела такие же боевые зубцы и бойницы, как и северная. И даже если враг, имея флот, высадил бы свои войска на берег южнее стены, то защитники могли обороняться на стене с обеих сторон – с юга и с севера. Оставлять же столь мощное оборонительное сооружение с сильным гарнизоном у себя в тылу и двигаться вглубь полуострова не решился бы ни один военачальник. «Длинная стена» многие десятилетия спасала греков Пелопоннеса от завоевателей. Возможно, потому и расцвела Морей в эпоху XIV – середины XV столетий, когда повсюду на Балканах полыхала война против завоевателей. Единственным слабым местом этой каменной твердыни была долина, по которой шла дорога из Средней Греции в Пелопоннес. В этой долине стена уступами спускалась вниз. Греки неоднократно надстраивали и укрепляли ее здесь, ибо вражеские стрелы, снаряды пушек и катапульт, пущенные с окрестных высот, наносили защитникам и оборонительным сооружениям непоправимый урон. Остальные части стены были протянуты по горам, высотам и считались практически неприступными. Правда, имелось в «Длинной стене» еще одно место, где кладка «карабкалась» с высокого холма на скалу. Там и образовался значительный перепад высот. Но то было узкое место. А вот у дороги стена перекрывала низкую, глубокую долину более чем на стадию в длину.

Сейчас в этом месте кипели восстановительные работы, стояло облако известковой пыли. Везли на повозках камень, бревна, доски, замешивали известковый раствор, на блоках поднимали строительные материалы на верхний, боевой ход стены, сновали строители, приказ-

¹⁰ Морей – владения греков-византийцев в южной, западной и северной частях Пелопоннесского полуострова к середине XV века. Мистра – столица Морей.

¹¹ Драгаш (сербск.) – Константин Драгаш родился 8 февраля 1405 года. Отец – базилевс Мануил II, мать – сербская княжна Елена Драгаш.

¹² Ромеи (греч.) – римляне, самоназвание греков эпохи поздней античности и средневековья.

¹³ Автократор (греч.) – самодержец.

¹⁴ Монеувасия – город-крепость на юге Пелопоннесского полуострова.

¹⁵ Стадия (греч.) – расстояние около одной четверти километра.

чики. Подъехав к мощной воротной башне, Константин Драгаш спешил. Бросил поводья коня одному из встречавших воинов. Строители и воины гарнизона, узнавая деспота Мореи, низко кланялись и приветствовали его. Драгаш с улыбкой и быстро, но без остановки, отвечал. Люди из сопровождения деспота стали также оставлять седла. Не теряя времени, он быстро прошел в невысокий арочный проем, ведущий внутрь башни, и стал быстро подниматься по винтовой каменной лестнице в толще стены. За ним последовали Фома и пятеро приближенных, один из которых, генуэзец по происхождению – известный военный инженер. Все были серьезны, сосредоточены. Поднявшись на верхний – четвертый ярус воротной башни, венчаный зубцами, Драгаш подошел к ее наружной, северной кромке и стал по-деловому осматривать новую кладку. Увидел, что восстановительные работы шли полным ходом.

– Как высоко будут подняты «прикладки»¹⁶ против ядер, мастер Антонио? – озабоченно обратился он с вопросом к генуэзскому инженеру.

– На высоту в три человеческих роста, государь. Так, что всадник, взявший пикку за основание и поднявший ее на вытянутой вверх руке, едва ли достанет наконечником верхней кромки кладки, – с почтением отвечал итальянец на ломаном греческом.

– Хорошо. Что делается в этой и в ближайших башнях, чтобы усилить их боеспособность огнем пушек? – вновь спросил деспот.

– Государь, я бы мог предложить оригинальное решение, еще малоизвестное в Европе. Для этого в нижнем ярусе куртины¹⁷ с юга нужно устроить аркатурные ниши, так что верхний боевой ход будет как бы опираться на них. С наружной же части куртин напротив арок установить контрфорсы – «прикладки». А в основаниях арок «прорубить» боевые окна для пушек. Но поскольку, государь, «Длинная стена» рассчитана на оборону как снаружи, так и изнутри, то в данном случае на куртинах артиллерию можно использовать только на верхнем боевом ходе, – стал дотошно объяснять генуэзец.

– Оставь, Антонио, мне хорошо известны твои соображения. Я спрашиваю только о том, как усилить артиллерию башен, – со знанием дела молвил деспот.

– Извольте посмотреть, государь, – торопливо сказал венецианец, – вон, видите, в соседней, правой от нас башне, фланкирующей воротную систему, во втором ярусе прорублены и скоро начнут выкладываться три специальные ниши и три боевых окна для стрельбы из орудий, – стал указывать ниже и объяснять инженер.

– Как я понимаю, левая (западная) фланкирующая башня тоже получит дополнительные артиллерийские бойницы? – спросил деспот, указуя налево.

– Да, государь.

– А зачем, артиллерийские бойницы прорублены в направлении ворот, вдоль куртины?

– Как же, государь? А если противник сумеет преодолеть ров, вал и прорвется к куртинам близ ворот? Тогда поразить неприятеля с верхов башен и стен будет очень нелегко, – резонно отметил инженер.

– Ты прав, мой мудрый генуэзец! Смело и хитро придумано! – с удивлением молвил Константин.

– Тот же метод, государь, будет применен и здесь – в воротной башне. На втором и третьем ярусах обороны будут прорублены и выложены артиллерийские бойницы, – добавил довольный итальянец.

– Превосходно! Сколько орудий и какие из них нужно привести и установить здесь, Антонио, для безопасности этого участка «Длинной стены» и ворот? – с некоторой тревогой, но более с надеждой спросил деспот.

¹⁶ Прикладки – против применения артиллерии. Вид контрфорсов, выложенных под крутым уклоном с наружной стороны стены или башни.

¹⁷ Куртина – в русском языке – прясло стены (линия стены между башнями).

– Думаю, не менее полутора десятков, а лучше двадцать стволов дальнобойных «фальконетов», отлитых из бронзы. В европейских странах они известны еще и под названием «bouche a feu», что есть по-гречески «огненное дуло». Османы, видимо, знакомы с ними и называют их «тюфенг», а русские уже применяли их и называют «тюфяки». Калибр их не превышает и ширины мужской ладони. Но эти довольно легкие и превосходные орудия с длинным стволом могут поражать противника картечью на расстоянии в две трети греческой стадии, – отвечал и рассказывал венецианец.

– Полтора десятка стволов?! Много! И это, верно, дорого для казны! – вымолвил уже слегка озадаченный словами инженера Константин.

– Государь, возможно временно снять часть легких орудий с других участков «Длинной стены», а потом заказать и приобрести «фальконеты» у моих земляков – генуэзских купцов. Они с удовольствием доставят сюда эти орудия морем.

– Хорошо! Корнаро, позаботься о «фальконетах». Скажи немедленно в Корон¹⁸ и договорись с генуэзскими купцами о покупке орудий. Поторгуйся, сбивай цену, скажи, что нужно полтора десятка стволов на деревянных лафетах. Но если будут упрямиться, денег из казны не жалей! – приказал Константин, обращаясь к своему помощнику и казначею.

– Будет исполнено, господин, – отвечал Корнаро, склоняясь перед деспотом и удаляясь.

– Георгий, – обратился вслед затем Константин к своему другу и протовестиарию (секретарю) Сфрандзи, – езжай вдоль стены вместе с мейстером Антонио в сторону моря. Посмотри, где лучше снять с башен хотя бы пять-шесть пушек. Распорядись от моего имени, проследи, чтобы сняли и вези сюда.

– Исполню, как велишь, государь, – промолвил Сфрандзи и вместе с генуэзцем пошел к винтовой лестнице.

– Отойдем, поговорим, брат, – обратился деспот к Фоме, обняв его за плечо и отводя в сторону к западному углу башни.

– Я очень благодарен тебе за то, что ты не оставил меня одного в эти трудные дни, за то что поехал со мною сюда, к Истму, – продолжал он.

– Не могу поступить иначе. Это мой долг, – отвечал младший Палеолог, склонив голову.

– Да, это ты. Но почему я не вижу здесь Димитрия? Что, спасение Мореи и нашей независимости – это не его дело?

– Ты же знаешь, каков он. Всегда думал только о себе и о своем, – согласился Фома.

– В этом он похож на покойного Феодора. Тот тоже свое личное всегда ставил выше всего и был готов вцепиться зубами в глотку Иоанну. Еще перед отъездом базилевса в Феррару и во Флоренцию Феодор готовился начать войну против него. Ты, правда, был еще совсем юн, но, верно, помнишь, как он поднял мятеж против Иоанна? – спросил Константин. – Это было шесть лет назад, во время отъезда автократора, – добавил он.

– Помню.

– Так вот, только чума, разразившаяся в Италии, остановила Феодора, ибо он решил не тратить попусту силы, а дожидаться кончины брата и взять власть в Константинополе. Однако надежды эти не оправдались. В конце концов, когда Иоанн возвратился, то унял Феодора. И все мы тогда поддержали его. Даже Дмитрий не воспротивился автократору. По нашему общему соглашению он отказался от Мистры в обмен на Саламврию¹⁹.

– Да, хорошо помню то нелегкое время, – согласился Фома.

– Поверь, нас ожидают более тяжкие испытания. Дмитрий решительнее и хитрее Феодора. Если опасность будет угрожать ему, он примет сторону сильного. Не побрезгует даже

¹⁸ Корон – город-порт на юго-западном берегу Пелопоннеса.

¹⁹ Саламвриа – город и феодальный удел на Пелопоннесском полуострове.

покровительства султана и примет ислам... – убедительно сказал Морейский деспот и внимательно посмотрел в глаза Фома.

– Не могу поверить в это, но боюсь... – отвечал тот.

– Не говори ничего более, Фома, – промолвил Константин, трогая брата за руку и оставляя данную тему.

– Ныне главное – объединение всей Греции для борьбы против османов. У нас слишком мало времени, чтобы успеть собрать силы и возродить греческое царство хотя бы в Морее. Ты помнишь, сколько времени и стараний отдал я этому.

– Да, я знаю, шестнадцать лет назад ты захватил Патры²⁰, положив конец владычеству латинских рыцарей в Ахайе²¹, и этим прославился как полководец, – ответил Фома.

– Но теперь мы имеем дело с более страшным, хитрым и беспощадным врагом. Мурад II не простит нам сочувствия крестоносцам, переговоров с деспотом Сербии Георгием, с трансильванским князем Хуньяди, с албанским воеводою Скандербегом. Правда, тот страшный разгром крестоносцев у Варны два года назад не остановит ни Яноша Хуньяди, ни Скандербега. Хуньяди вновь собирает силы против османов в Сербии, Хорватии, Венгрии, и в Трансильвании. Однако надеяться сейчас на его помощь наивно. Я уже оповещен, что султан собирает силы для вторжения в Морею, – посуровев лицом и синими глазами, сказал Константин.

– Я не оставляю тебя, брат, – с жаром выпалил Фома, – мои войска из Спарты и Монемазии числом до полутора тысяч воинов уже двинулись к Истму. Правда, у меня нет хороших пушек, но среди них есть отряд добрых лучников и арбалетчиков-генуэзцев.

²⁰ Патры – город и феодальный удел на севере Пелопоннеса.

²¹ Ахайя – латинское название Пелопоннеса. Княжество Ахайя было образовано крестоносцами в 1209 году, после захвата Константинополя. Его остаток был ликвидирован деспотом Константином Палеологом в 1430 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.